

1997 №27

СЕРГЕЙ ЛЕЙБРАД "ЦИРК 'ОЛИМП'" В ДОМЕ БАЛТРУШАЙТИСА

"Цель поэзии - поэзия". Да простит мне читатель сие высокопарное цитирование Александра Сергеевича. Мысль известная, даже слишком известная, как сказал бы Фридрих Ницше. Тем более, что собирался я всего-то лишь перефразировать неоспоримый классический трюизм, дабы подытожить свой визит в златоглавую столицу нашей Родины, покрытую еще более тривиальной кожаной кепкой деятельного, многоуважаемого и все же не до конца мне понятно почтому горячо любимого хваленой московской интеллигенцией мэра.

Описывать массоидные гуляния, театрализованные и не очень представления, ознаменовавшие празднование 850-летия Москвы, для читающих "Цирк 'Олимп'" я, естественно, не буду. Однако несколькими впечатлениями или "горестными заметами" все-таки поделюсь.

Да, милые господа, постмодернизм как ни странно реальность безусловная. И совсем не тот, о котором мы спорим на хрупких страницах нашего издания, а самый настоящий, глобальный, социально-психологический. До отвращения, до восхищения точно совпадающий с предельно радикальными и утопическими характеристиками классиков постструктурализма.

"Кубанские казаки-97" - так я назвал бы архитектурно-оформительскую и шизопатриотическую явь, обступившую меня в главном городе государства российского в те незабываемые три дня (зря, зря смеялись отечественные кинозрители над лубочными представлениями дешевых голливудских режиссеров о российской жизни, режиссеры оказались пророками или, что более вероятно, невольными властителями дум простой московской власти). Особенно великолепна в этом контексте обновленная Манежная площадь. Изумительно безвкусное пространство, отчаянно напоминающее гипертрофированный дворик детского сада для чад наиболее ответственных работников центрального комитета КПСС. Ты бог - Зураб! Ты - педагог воспитатель альтернативно одаренных новых русских чиновников и хозяйственников! Жабы, аисты, Иванушки, бани-профсоюзная мозаика, конструктивистские фонтанчики с советско-дачными нарезками для регулировки напора воды. Но вот трубы-трубы-трубочки, из которых брызжет вода, ударяясь о стеклянные купола, сливаясь с ними, растворяясь в них, почему-то кривые. Вот просто так кривые. Подтянуть бы их на три-четыре сантиметра и все. А так невозможно отделаться от стыдного чувства, что в Москве, в центре города, на публичном месте перед потрясенными иностранцами... Не хорошо...

И вообще вся Москва похожа была на свет-

лую, просторную столовую в правительстве профилактории с алякомарэндмеламидовскими росписями и свежайшей западной продовольственной продукцией: цветные баночки, скляночки, коробочки, пачечки, ярлычки, лейблочки и т.д. и т.п...

Еще в поезде мне довелось услышать по радио интервью с одним из "ведущих современных режиссеров", учеником Никиты Сергеевича Михалкова, постановщиком фильмов "Зеркало для героя", "Макаров", "Мусульманин" Владимиром Хотиненко. Сейчас популярный режиссер экранизирует... мемуарную прозу Юрия Лужкова "Мы дети твои, Москва".

"Это чрезвычайно сложная художественная задача", - как бы исца сочувствия у слушателей, тяжело вздыхая после каждого слова, мужественно и глубокомысленно отметил кинематографист-первоходец...

Да, едва не забыл - о чем собирался писать и почему, собственно, начал эти записки с достопамятной цитаты. В Москву я приехал на ежегодную встречу редакторов, издателей и авторов европейских художественно-культурных журналов, посвященную в этом году проблемам взаимодействия литературы и электронных средств массовой информации. Среди организаторов встречи комиссия Евросоюза, посольства Швеции (главным организатором сего собрания был, конечно, наш давний и бесшабашный знакомый Юхан Эберг) и Литвы, а также

московская газета "Дело". Цель встречи - встреча. Наконец-то я добрался до затаенной мысли. Ибо несколько схематическое и внутренне несвязанное чередование интересных и скучных выступлений в нечто осмысленное и целенаправленное никак не складывается. Что там говорить, мне очень приятно, что вместе с американскими, английскими, французскими, шведскими, финскими, чешскими, австрийскими, датскими, прибалтийскими, петербургскими и московскими изданиями (журналами "Иностранная литература", "Золотой век", "НЛО", "Арион", "Постскриптум", "Литературное наследство") был представлен и скромный, застенчивый, но гордый "Цирк 'Олимп'", что самарская версия современной

русской литературы была принята к сведению и встречена с пониманием. В культурном центре литовского посольства (Доме Балтрушайтиса) я с радостью встретил замечательных, давно ценимых и очень симпатичных русских литераторов: Михаила Айзенберга, Тимура Кибирова, Льва Рубинштейна, Владимира Салимона. С удовольствием познакомился с редактором, пожалуй, самого серьезного сегодня отечественного литературного журнала "Новое литературное обозрение" Ириной Прохо-

ровой, с представителем австрийского журнала "Wespennest" ("Осиное гнездо") Эрихом Кляйном. Кстати, именно этот журнал, во всяком случае тот номер, в котором опубликованы русские авторы (Рубинштейн, Айзенберг, Ахметьев, Айти, Гандлевский, Сорокин, Сапгир, Холин) произвел на меня самое живое и вменяемое впечатление. Точностью цвето-визуального решения, графической выразительностью текстов, абсолютно антифафской торжественностью, рождающейся от ощущения корректности, серьезности и некричащего, но очень высокого полиграфического исполнения...

Собравшиеся (прежде всего, иностранцы) пытались оперировать некими мифологическими категориями, такими как "интеллектуальный рынок", "русская интеллигенция", "долг перед публикой", "электронный контакт", "виртуальная библиотека", "художественное воспитание", "государственная поддержка", "диалог культур и между культурами". Хотя совершенно очевидно было, что собрались на встречу в большинстве своем безумные, добровольно выбравшие сей образ жизни люди, занимающиеся литературой не во имя глобальных целей, а от собственного имени и в силу неимения возможности и желания пребывать в современном мире вне слова, поскольку лишь оно своими превращениями и реинкарнациями свидетельствует для них о реальном и теплопроводном существовании. О влиянии новой компьютерной цивилизации на издательскую политику и книгопечатание было не очень убедительно, но сказано. О мутациях поэтического языка в связи со всем этим, об изменении (в смысле иных возможностей) природы литературной выразительности уже отчасти наблюдалась в текстах того же Рубинштейна (а как мне кажется, и Вс.Некрасова, и Айзенberга, и Кибирова), запутавшихся в ретрансляционных речах переводчиков, поговорить толком так и не удалось.

Ну, да ладно. Зато в последний день по настоянию Юхана Эберга даже успели почитать стихи (выступили Тимур Кибиров, Эрнестас Парульскис и ваш покорный слуга). Тимура Юрьевича, читавшего стихи из своего "ленинского цикла", международная публика никак не хотела отпускать.

Со странной блуждающей улыбкой слушал стихи "позднего концептуалиста" хранитель Дома Балтрушайтиса, культурный атташе литовского посольства, неотразимый господин Будрайтис, советский "англичанин" из моего пионерского детства...

